

9. History. P. 1, 5.
10. Ibid. P. 8.
11. Ibid. P. 93.
12. Ibid. P. 96.
13. Ibid. P. 7.
14. Ibid. P. 5—6.
15. Ibid. P. 84—85.
16. Oakley F. Jacobean Political Theology: the Absolute and Ordinary Powers of the King. // Journal of the History of Ideas. V. XXIX. № 3. 1968. P. 323.

П. Н. ТОЦКИЙ

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ПОДДАННОГО: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕЙ ОФИЦИАЛЬНОГО ГАЛЛИКАНИЗМА XVII—XVIII вв.

Начавшаяся в 1789 г. во Франции революция, разрушая феодальный общественный строй и подрывая основы (светские и церковные) абсолютистской монархии, одновременно расчищала почву для создания нового, правового государства.

Основные принципы этого государства — признание гражданских прав, суверенитет нации и разделение властей — были разработаны, как известно, в политических теориях французского Просвещения, а соответствующие им правовые институты были воплощены в жизнь уже на базе фундаментальных политико-юридических актов революции, принятых Конституантой — Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и конституции 1791 г.

Положенные в основу этих документов конституционные принципы правового государства в корне меняли идеологические и политико-правовые основы государственного устройства Франции, решительно порывая с церковной традицией и догматикой, лежавшей в основе официального галликанизма — идеологии французского абсолютистского государства.

На базе родившегося в эпоху Просвещения юридического мировоззрения и произошел тот идеологический переворот в мировоззрении французов, когда они осознали, что они уже не подданные, но граждане. Эта переоценка идеологических ценностей, окончателно свершившаяся в годы Революции, закрепила в системе французского конституционализма принцип суверенитета личности или, выражаясь иначе, гражданских прав индивида.

Следует отметить, что как это не парадоксально на пер-

вый взгляд, юридическое мировоззрение, пришедшее на смену господствовавшему теологическому, являлось негативным наследником последнего. Рассмотрим это поподробнее в связи с проблемой перехода французов от статуса подданных короля и рабов церкви к утверждаемому революцией статусу граждан.

Определяя статус подданных короля Франции, идеологи официального галликанизма кардинал Ришелье, епископ Боссюэ и Людовик XIV в своих теоретических концепциях и высказываниях исходили из основной (церковноцентристской) посылки теологического мировоззрения в основе которой лежал такой иерархический дуализм клира и мира, который создавал предельное бесправие мирянина перед лицом священника, являвшегося одновременно чиновником государства и членом первого сословия Франции¹.

Отстаивая определенную автономию в делах внешней политики по отношению к Ватикану, идеологи официального галликанизма, и в особенности Боссюэ и Людовик XIV, тем не менее, были склонны ревностно претворять в жизнь указанную посылку применительно к подданным короля Франции во внутренней политике. Несколько отличавшейся от взгляда Боссюэ и Людовика XIV была позиция кардинала Ришелье, максимально стремившегося идеологически влиять посредством духовенства на верующих католиков, но склонного в силу государственных интересов к определенным элементам веротерпимости и избегания крайностей религиозного фанатизма в деятельности инквизиции и некоторых других структур церкви. Однако, в конечном счете, в своей внутренней политике министр-кардинал тоже опирался на указанную посылку.

Церковноцентристская посылка (с определенными модификациями в духе официального галликанизма) включала в себя следующие фундаментальные для канонического права постулаты:

а) в делах веры и спасения мирянин имел правовой статус, примерно аналогичный тому, который в житейских делах в новейшее время может быть закреплен за несовершеннолетним;

б) единственным пастырем прихожанина, ограждающим его от ошибок и блужданий с помощью Священного писания, выступает церковь;

в) опека мирян в их собственной духовной немощи представляет собой не только обязанность, но и неотъемлемое

право церкви. Только церковь вправе с полным основанием ставить мирскую паству под неограниченный диктат своей заботы и любви.

Понятие безвольного добра, отнимало, таким образом, всяческую значимость у самосознания мирянина. Вытекающий отсюда тезис, что человек отчужден от самого себя именно тогда, когда ощущает в себе внутреннюю значимость и переживает себя как самость, и, наоборот, совпадает с собой, когда следует совершенно чуждому ему по самоощущению внешнему и догматическому наставлению церкви, получил самое широкое применение в политике клерикалов всех мастей, в претензиях церкви на светское господство. Достаточно четко указанный тезис представлен в частности, у Боссюэ².

Из основной церковноцентристской посылки указанных постулатов вытекали в применении к сфере политики и следующие доктринальные концепции:

1) учение о равенстве людей как неправоспособных детей церкви;

2) учения о их правовом неравенстве как членов состоящего из сословно-корпоративных общностей иерархически организованного мирского порядка, существовавшего как вневременная ценность, не зависящая от субъективных установлений светской власти.

Таким образом, основная парадигма ортодоксального феодально-клерикального мышления предлагала принципиальную несовместимость «равенства» и «права». Данная парадигма являлась принципиальным кредо и для идеологии официального галликанизма.

Подобные теоретико-юридические постулаты, взятые на вооружение церковью как частью государственной структуры абсолютистской державы, логически развивали истолкование мирянина как низшего человекоподобного существа, которое в силу своей недоразвитости должно находиться под тотальным надзором клира. Хотя миряне и греховны в силу своего происхождения и образу жизни, а в силу этого достойны только презрения, любовь к пастве, как об этом уже говорилось выше, вменена священнику в обязанность.

Навязывание подобного стереотипа социального поведения пастве происходило методами не только церковной проповеди, но и государственного насилия, что рано или поздно должно было породить как неизбежную альтернативу системе оппозиционных взглядов, в основе которой лежало

стремление возвести индивидуальные свободы (свобода совести, убеждения и др.) на уровень высших вневременных ценностей.

Этой системой взглядов и выступило мировоззрение юридическое. Становление его стимулировалось как генезисом идей свободомыслия, так и внутренними противоречиями теологической доктрины. Решающим здесь выступало несоответствие между учением церкви о человеке и его строгой приверженностью к юридической формальности.

Формирование правосознания мирян подталкивалось и следующим теологическим парадоксом, заключавшимся в том, что бесправие утверждалось католицизмом в строго-правовой форме всеобщности и равенства. Конфессиональные догматы католицизма, на протяжении 13 веков со времен Хлодвига имевшие во французском обществе и определенное правовое значение, безоговорочно признавали рабом церкви каждого человека, вне зависимости от его имущественного и сословного положения. Переведенная на язык королевских легистов XVII—XVIII веков эта церковная формула в ее светской интерпретации провозглашала всех французов подданными короля. Тем самым духовная монополия церкви дополнялась светским диктатом абсолютистского государства. Каноническое право столь же уравнивало мирян перед произволом церкви как юрисдикции правового государства своих граждан перед законом.

Это каноническое равенство «рабов божьих» в бесправии,— французов как верноподданных своего «христианнейшего» короля, проступало тем более выразительно, что оно существовало на фоне неравенства в правах, которое за пределами церковного храма, было для Франции XVII—XVIII вв. обычным феноменом.

Одной из особенностей французской феодальной государственности была высокая оценка права, существовавшая во Франции еще с галло-римских времен. Это позволяло осуществлять достаточно широкое правовое регулирование прав индивидов в рамках системы межсословных отношений и институтов государственной власти, включая монархию. Конечно «права» индивида как вассала или подданного в условиях средневековой монархии Валуа или абсолютистского государства Бурбонов XVII—XVIII вв.— это отнюдь не права гражданина правового государства.

В условиях французской феодальной монархии понятие

прав человека утверждалось и реализовалось в рамках, тех или иных сословных или сословно-корпоративных (реже этно-корпоративных) структур. В этих условиях право неизбежно выступает как право группы, распространяющееся на индивида только в силу его «естественной принадлежности».

Право как термин, фиксирующий всеобщее понятие, почти отсутствует в юридическом лексиконе королевской Франции XIII—XVIII вв. В связи с этим всеобщность понятия прав человека начинает пробивать себе дорогу только начиная с позднего Ренессанса. До революции XVIII в. законодательство Франции, тесно связанное с теолого-правовой традицией средневековья и «католического возрождения», не знает его, оперируя пестрым юридическим конгломератом и «понятиями» разного рода «прав» и «вольностей», которые менялись от сословия к сословию, от одной корпоративно-клановой группы к другой³.

Правовые нормы приобретают реальное значение в феодальном обществе именно в силу своей гетерогенности. Пример королевской Франции классически это подтверждал. Вопрос о личных правах индивида до революции XVIII в. — это в первую очередь проблема признания обществом его места в одной из традиционных, отличающихся друг от друга по своему статусу групп. Таким образом, признание французским феодальным государством — в лице королевской власти и церкви — прав человека выступало как освящение его государственными и государственно-религиозными установлениями возможности индивида использовать сословно-корпоративные особенности или привилегии своей социальной группы.

Действовавшие в различных районах Франции юридические нормы канонического права, провинциальных кутюмов, Дигест Юстиниана при всем своем разнообразие, тем не менее, всегда ставили во главу угла именно эти, отличавшие одну традиционную социальную группу от другой, особенности и привилегии. Поэтому соблюдение прав членов привилегированных сословий — дворянства и духовенства подразумевало одновременно и существование такого комплекса правовых условий, исключающих при любых обстоятельствах их уравнение с третьим сословием.

Правовая нивелировка в форме равенства прав не допускалась и в рамках сословий. Никким образом нельзя было поставить на одну доску, например, пэра Франции и рядового дворянина, жителя города, имевшего права самоуправления,

и поселения, ими не обладавшего. Увековеченный блистательным пером А. Дюма знаменитый шевалье д'Артаньян тоже стоял в правовой иерархии общества на разных ступенях не только со своим собственным слугой, но и со своими покровителями и врагами из числа высшей придворной знати⁴.

Именно сословно-корпоративные неравенства и отличия имеют в виду и закрепляют многочисленные провинциальные кутюмы, разного рода хартии и королевские пожалования.

Идея правопорядка в системе феодальных правовых ценностей воплощалась в жесткой системе соблюдения иерархии привилегий и ее защиту от захватного или деспотического произвола. Непреложным требованием указанной системы был своеобразный консенсус между «верхами» и «низами» привилегированных сословий о недопущении чужаков в свою среду. Попытка социальной нивелировки или повышения своего правового статуса в обход существующей иерархии рангов рассматривалась как социальное отклонение, правовое нарушение и церковный грех. Эта феодальная традиция была чрезвычайно живучей не только среди «верхов», но и среди «низов» феодальной Франции.

Таким образом, можно констатировать в заключение, что сложившаяся на базе положительного права доктрина официального галликанизма отличалась классической взаимосвязью двух вышеуказанных юридико-политических постулатов:

1) догмата о равенстве людей как неправоеспособных детей церкви;

2) догмата о их правовом неравенстве как членов богоосвященной мирской иерархии.

Официальный галликанизм делал особый акцент на богословском тезисе о «бесправии людей по праву», что придавало, как это уже отмечалось выше, «естественно-правовой смысл» светской концепции неравенства, трактуя для массы подданных короля сословно-корпоративные различия как явления, не зависящие от субъективных установлений власти.

Однако указанный выше тезис нес в себе потенциально и напряженное концептуальное противостояние двух вышеназванных догматов, что неизбежно порождало попытки его преодоления как со стороны мирян, так и рационалистически мыслящих представителей клира.

Решительное, доведенное до логического конца утверждение католицизмом всеобщего и сущностного рабства подталкивало зарождающуюся идеологическую оппозицию к выра-

ботке формы создания, рождающегося на базе аподиктического правового пафоса о равенстве людей как правоспособных детей бога. Разумеется, всеобщность гражданского права могла родиться не на базе феодального права как системы сословных привилегий и корпоративных особенностей, а на основе его преодоления.

Раннебуржуазные права «человека и гражданина» по своей социально-политической генетике не имели ничего общего со средневековыми сословно-корпоративными «вольностями», за исключением только того исторического обстоятельства, что упорная борьба сословий за свои корпоративные отличия и «вольности» послужила одной из существенных предпосылок политико-юридической революции XVII—XVIII вв. в Западной Европе и Северной Америке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ришелье Ж. А. Политическое завещание. Т. 1. М., 1766. С. 32—34; Боссюэт Ж. Б. Всеобщая история для наследника французской короны. М., 1774. С. 46—49.
2. Там же. С. 49—50.
3. Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957. С. 7—9.
4. Мемуары мессира д'Артаньяна. М., 1995. Т. 2. С. 227—244.

Н. М. КРЕСТОВСКАЯ, О. Ф. ЦВИРКУН

М. П. АДАМОВИЧ — ВАТАЖОК ОДЕСЬКИХ МОРЯКІВ

Революція як історіософська категорія, революціонери та революційні події як історична конкретика сьогодні не користуються популярністю серед науковців. В значній мірі це результат нашого давнього ставлення до історії як до політики, що перекинута в минуле. Але насправді історія вже відбулася і сучасна політична кон'юнктура нічого не в змозі в ній змінити. Революційний рух — невід'ємна складова частина минулого і відмовлятися від його дослідження нерозважливо. Історіографія революційного руху нараховує не одну сотню біографічних нарисів, але тематика цих досліджень була обмежена більшовиками або їхніми попередниками. Між тим й інші партії та організації не страждали від нестачі яскравих лідерів. Ця стаття присвячена одному з помітних діячів революційної Одеси — керівнику профспілки торговельних моряків Михайлові Прохоровичу Адамовичу (1881—1942).

М. П. Адамович народився у 1881 р. в Катеринодарі у сім'ї дрібного чиновника. Тут з золотою медаллю він закінчив